

Далеко-далеко, там, где небо с землей сливается, на подоле синей горы, на берегу молочного озера жил мальчик. Ростом он был с козленка. Из двух беличьих шкурок мальчик сшил себе шапку, из козьего меха — мягкие сапожки. Лицо у него было, как луна, круглое, и он никогда не плакал.

Язык птиц и зверей мальчик хорошо понимал, пчел и кузнечиков внимательно слушал. Он и сам то зажужжит, то застрекочет, то как птица защебечет, то зажурчит, как родник. Дунет мальчик в сухой стебель — стебелек поет, тронет мальчик пальцем паутинку — она звенит.

Вот однажды ехал мимо молочного озера хан Ак-каан верхом на белом коне. Услыхал Ак-каан нежный звон.

«Это не птица поет, не ручей

бежит», — подумал хан.

Перегнулся он через седло, раздвинул кусты и увидел круглолицего мальчика. Малыш сидел на корточках, дул в сухой стебель, и стебель пел, словно золотая свирель.

— Как тебя зовут, дитя?

— Мое имя Рысту-Счастливым.

— Кто твой отец, где мать? Кто тебя кормит, кто поит?

— Отец мой — синяя гора, мать моя — молочное озеро.

— Хочешь быть моим любимым дитятей, Рысту? Я сошью тебе соболью шубу, дам тебе проворного иноходца, подарю серебряную свирель. Садись, малыш, на круп моего коня, обними меня покрепче, и мы помчимся быстрее ветра к моему белому шатру.

Рысту прыгнул на круп коня, обнял хана Ак-каана, и конь помчался быстрее ветра.

Было у хана двое детей: сын Кёз-кичинек и дочь Кара-чач.

Услыхали они ржанье коня, выбежали навстречу отцу, стремя поддержали, коня расседлать помогли.

— Что ты привез нам, отец?

Хан Ак-каан схватил Рысту за шиворот, поставил его перед своими детьми:

— Вот какой привез вам подарок! Дайте ему мою серебряную свирель, и он будет играть вам свои песенки и днем и ночью.

Но Рысту играть на серебряной свирели не захотел. Он от обиды слова вымолвить не мог.

— Не хочешь моих деток потешить? — рассердился хан. — Будешь, непокорный мальчишка, мой белый скот пасти!

И вот днем без отдыха, ночью без сна перегонял Рысту с пастбища на пастбище ханские стада, искал, где трава слаще, где вода чище. Летом солнце нещадно малыша жгло, зимой мороз пробирал до костей. Мягкие сапожки его скоробились, легкая шубенка присохла к плечам, глаза

научились плакать.

Но никто ему слез не отер, никто с ним не заплакал.

Однажды зацепился малыш сапожком за сухой корень, споткнулся и упал лицом в траву. А встать не может, ослаб...

Лежит он и слушает, о чем шмели жужжат, о чем муравьи беседуют.

— Когда этот мальчик на синей горе жил, он плакать не умел.

— О чем же теперь плачет он так горько!

— Ноги его стертые болят, руки его натруженные устали.

— Да, тяжело ему день и ночь за стадом ходить.

— А сказал бы он, как перепел детям своим говорит: «Пып!» — и коровы, как перепелята, не сдвинулись бы с места.

— А крикнул бы он, как коростель кричит: «Тап-тажлан!» — и коровы поиграли бы с ним на лугу.

— Пып! — молвил Рысту поперепелиному.

Коровы тут же легли.

— Тап-тажлан!

Коровы поднялись с травы, плясать начали.

Теперь малыш опять повеселел. Он сидел на берегу реки и щебетал, играя с береговыми ласточками. А коровы песни пели и плясали на лугу.

Узнал об этих забавах хан Ак-каан, как туча, посинел, как гром, загремел:

— Коров пасти не хочешь? Будешь масло сбивать.

Поставили малыша к большому чану с молоком, дали в руки длинную палку-мутовку и заставили крутить ее день и ночь. Руки мальчика отдыха не знали, сомкнуть глаза он ни на миг не смел.

Семья хана, его гости, даже слуги ели лепешки с маслом, а малыш Рысту и сухой лепешки никогда не видал.

— Хочешь — угощу? — засмеялась Кара-чач. — Сыграй на серебряной свирели! Вот лепешка, вот свирель.

— Это я принес свирель! — закричал Кёз-кичинек.

— Нет, я! — крикнула девочка и вцепилась брату в волосы.

Тот размахнулся, хотел было ударить ее, но Рысту сказал:

— Пып!

И рука девочки прилипла к волосам брата, рука мальчика к плечу сестры.

— Что с вами, дети мои? — заплакала ханша, обнимая сына и дочку. — Почему такая беда с вами случилась? Лучше бы этот мальчишка к палке-мутовке прилип!

— Пып! — тихонько прошептал Рысту, и ханша прилипла к своим детям.

Пришел домой хан:

— Что случилось? Почему все плачут, а ты один смеешься, непокорный Рысту? Отвечай, что с моей ханшей? Что с моими детьми? Не ответишь — нож возьму, голову твою отрублю, пику возьму — сердце твое прокалю!

— Пып!

И хан остался стоять рядом с ханшей, в одной руке пика, в другой нож.

А малыш Рысту бросил палку-мутовку, толкнул ногой большой чан, поднял сухой стебелек, дунул в него и запел, как порхающая в небе птица.

Слушая эту песенку, хан дрожал, как мышь, ханша стонала, как большая лягушка, дети тихо плакали.

Пожалел их малыш, правую руку вверх поднял.

— Тап-тажлан! — крикнул он.

Хан, ханша, Кёз-кичинек, Кара-чач — все четверо в ладоши захлопали, ногами затопали, приплясывая, из аила [Аил — жилище, шатер, сложенный из коры лиственницы или березы. Пол в аиле земляной, посредине костер, над костром дымоходное отверстие.] высочили.

А счастливый Рысту на золотой ханский помост взошел. Один раз поскользнулся, в другой кувыркнулся, рассердился на самого себя, самому себе «Пып!» сказал и тут же к золотому помосту прилип.

Посидел-посидел, кругом поглядел — белый чистый войлок ханского шатра туго натянут на прочные жерди. Небо только через дымоходное отверстие увидеть можно — маленький синий клочок, величиной с ладонь.

Душно стало малышу в ханском шатре на золотом помосте.

— Тап-тажлан! — сказал он.

Помост подпрыгнул — малыш подскочил! Да так высоко, будто на крыльях взлетел, через дымоходное отверстие наружу вылетел. Перекувыркнулся, упал, на ноги встал и побежал к молочному озеру, к синей горе. Прибежал, молока из озера ладонью зачерпнул, разок-другой глотнул, улыбнулся, на синей горе шалаш себе поставил. Там и поныне живет.

Поет свои счастливые песни, играет на стеблях цветов, будто на свирели, паутинные нити пальцами перебирает, и паутинки в ответ тихим звоном звенят.

Эти песни, посвист, звон каждый может услышать, кто к тому месту, к той черте, где небо с землей сливается, подойдет.

